Античная древность и средние века. 2022. Т. 50. С. 312-325

УДК 94(495) + 94(3) + 642 + 392.8 + 394 DOI 10.15826/adsv.2022.50.018

И. С. Охлупина

Уральский федеральный университет Екатеринбург, Россия

«ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ ЕДА, ПЛОХОЙ ХЛЕБ И БЕЗМЕРНОЕ ПЬЯНСТВО»: ТРАПЕЗЫ ТУРОК, МОНГОЛОВ И ЛАТИНЯН ГЛАЗАМИ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ

Статья посвящена анализу сообщений поздневизантийских авторов о пищевых традициях и предпочтениях турок, монголов и латинян по материалам сочинений Мануила II Палеолога, Георгия Пахимера, Константина Стильба, Дмитрия Кидониса. Целью исследования является рассмотрение этнографических зарисовок как способа пищевой идентификации представителей данных народов, одного из маркеров «инаковости» «чужих» в текстах византийский авторов. При работе с византийскими полемическими, историографическими и эпистолографическими сочинениями византийских интеллектуалов учитывались жанровая специфика произведений, ориентация авторов на использование традиционных риторических моделей, стремление подражать языку и стилю древнегреческих и римских авторов, а также использование аллюзий на тексты Священного Писания. В работе рассматриваются примеры неоднозначного отношения византийских авторов к совместным трапезам с турками. Показано, что оценочные суждения одного и того же автора, касающиеся совместного принятия пищи с турками, могли кардинально отличаться. На оценки автора в конкретном случае могли оказать влияние как личное отношение к участникам трапезы, так и сиюминутное настроение, самоощущение, а также его вкусовые предпочтения. Различия в пищевых пристрастиях монголов, турок, латинян, упомянутые в сочинениях поздневизантийских авторов, нередко использовались для описания представителей иной культуры в негативном свете и имели мало общего с историческими реалиями, поскольку являлись своеобразной инверсией византийских представлений о нормальной, «культурной» еде, которую должно употреблять в пищу. Установлено, что эти описания нередко воспроизводили стереотипы относительно особенностей питания «варваров», а также кочевых народов, бытовавшие в обществе и письменной традиции со времен Античности.

Ключевые слова: Византия; поздневизантийский период; трапеза; пищевые привычки; турки; монголы; латиняне; самоидентификация; варварство; традиции питания; маркеры «инаковости»; «свои» и «чужие»; пищевые табу

«Отвратительная еда, плохой хлеб и безмерное пьянство»

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Цитирование: *Охлупина И. С.* «Отвратительная еда, плохой хлеб и безмерное пьянство»: трапезы турок, монголов и латинян глазами поздневизантийских авторов // Античная древность и средние века. 2022. Т. 50. С. 312–325. https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.018

Поступила в редакцию: 06.07.2022 Принята к печати: 11.10.2022

Irina S. Okhlupina

Ural Federal University Ekaterinburg, Russia

"DISGUSTING FOOD, BAD BREAD, AND IMMEASURABLE DRUNKENNESS": THE MEALS OF THE TURKS, MONGOLS, AND LATINS THROUGH THE EYES OF LATE BYZANTINE AUTHORS

This article presents the analysis of the accounts of the Late Byzantine writers about the food traditions and preferences of the Turks, Mongols, and Latins according to the works of Manuel II Palaiologos, George Pachymeres, Constantine Stilbes, and Demetrios Kydones. The aim of the investigation is to consider ethnographic accounts at Byzantine written sources as a way of food identification of the peoples and a marker of the "otherness" of "strangers" in the texts. The analysis of historical evidence of polemical, historiographical, and epistolographic works of the Byzantine intellectuals is complicated due to the nature of the kinds of Byzantine written sources. It is taken into account that the Byzantine authors often used traditional rhetorical models, imitated the language and style of ancient Greek and Roman authors and regularly used the allusions to the texts of the Holy Scriptures in their written works. The examples of the Byzantine authors' ambiguous attitudes to joint meals with the Turks are considered in the paper. It has been shown that the judgments regarding joint meals with the Turks made by the same writer sometimes significantly vary. In some cases, the author's estimation could be influenced by the personal attitude towards the participants in the meal, and his mood, self-awareness, as well as his taste preferences. The differences in the food habits of the Mongols, Turks, and Latins mentioned in the writings of Late Byzantine authors were often used to describe representatives of a different culture in a negative light and had little to do with historical realities, since they were a kind of inversion of Byzantine ideas about normal, "cultural" food, which should be eaten. It has been determined that these accounts often reproduced the stereotypes regarding the eating habits of the

"barbarians" and nomadic peoples, which existed in Byzantine society and written tradition from the Antiquity on.

Keywords: Byzantium; Late Byzantine Period; meal; eating habits; Turks; Mongols; Latins; self-identification; barbarism; food traditions; markers of "otherness"; "own" and "others"; food taboos

Acknowledgements

The study was funded by the grant of the President of the Russian Federation for the leading academic schools of the Russian Federation, project no. NSh-1548.2022.2 *Late Byzantium: Political and Sociocultural Challenges and Responses to Them.*

For citation: Okhlupina, I. S. (2022). "Otvratitel'naia eda, plokhoi khleb i bezmernoe p'ianstvo": trapezy turok, mongolov i latinian glazami pozdnevizantiiskikh avtorov ["Disgusting Food, Bad Bread, and Immeasurable Drunkenness": The Meals of the Turks, Mongols and Latins through the Eyes of Late Byzantine Authors]. *Antichnaya drevnost'i srednie veka*, 50, 312–325. https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.018

Submitted: 06.07.2022 Accepted: 11.10.2022

Поздневизантийский период (1204—1453) стал наиболее драматичным в истории государства ромеев. В условиях нестабильной и турбулентной социальной и политической обстановки в империи, политической фрагментации, но в тоже время и интенсификации межкультурных контактов и конфликтов вследствие торговой экспансии латинян, латинской и тюркской оккупации ряда византийских территорий, особое значение для жителей империи приобретало осознание собственной идентичности, сохранение своей самобытности и уникальности перед лицом мощных культурных влияний с Востока и Запада.

В результате интеллектуальной рефлексии в текстах византийских авторов были предприняты попытки определения символических границ, отделяющих «своих» от «чужих», а также выработана система «ответов» на вторжение «чужого». Одним из маркеров инаковости «чужого» в византийском нарративе зачастую становились алиментарные (пищевые) пристрастия. Пищевые и питьевые привычки были важнейшими детерминантами размежевания во взаимоотношениях «своих» и «чужих». Те, кто употреблял схожую пищу, считались неопасными и заслуживающими доверия, тогда как те, чьи пищевые пристрастия отличались от привычных византийцам, казались подозритель-

ными и даже отвратительными. При взаимодействии с чужеземцами, которые говорили на ином языке и придерживались иных обычаев и верований, нередко проявлялся византийский этноцентризм — ромеи демонстрировали убежденность в превосходстве собственных моделей поведения над привычками и укладом представителей других культур ¹. Так, при описании народов различия в приготовлении пищи, представлениях о пригодном и непригодном для употребления в пищу в сочинениях византийских авторов нередко стигматизировались и становились дополнительным элементом при характеристике опасных врагов Византийской империи или «чужаков», проникших в византийское культурное пространство.

В данной статье мы рассмотрим описания поздневизантийских авторов пищевых и питьевых предпочтений и привычек турок, монголов и латинян, опираясь на материалы сочинения Мануила II Палеолога «Диалог с неким персом», «Истории» Георгия Пахимера, «Жалоб против латинян» Константина Стильба, а также письма Мануила II Палеолога Дмитрию Кидонису и ответа на него.

Совместное потребление византийцами пищи с представителями иной культуры являлось одним из вариантов межкультурного взаимодействия. В ходе совместной трапезы с «чужаками» византийцы могли отчетливее осознать особенности своей собственной культуры и почувствовать различия в пищевых предпочтениях. В этом контексте большое значение обретали традиции гостеприимства и встречи гостей. Смысл обычая гостеприимства заключается в том, чтобы оказать особое внимание гостю и продемонстрировать уважение к нему. О традициях гостеприимства турок сообщает Мануил Палеолог в риторическом трактате «Диалог» был составлен в рамках традиции полемических диспутов с мусульманами, берущей начало в VIII в. в связи со стремительным распространением ислама. Целью автора данного сочинения была апология христианского вероисповедания. Однако кроме

¹ *Kolbaba M.* The Byzantine Lists: Errors of Latins. Chicago, 2000. P. 150. О «сосредоточенности византийского традиционного сознания на себе в его отношениях с чужим» пишет и Р. М. Шукуров: *Шукуров Р. М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. С. 21.

воспроизведения стереотипов об исламе и попыток разобраться в религии своего оппонента, Мануил затрагивает тему гостеприимства турок. Рассказывая читателю о том, как однажды в холодное и ненастное утро он завтракал с мусульманским богословом немалым количеством орехов и меда, предложенными в качестве угощения, он резюмирует, что «таково было гостеприимство персов»². В другом эпизоде Мануил повествует об усилиях хозяина, старавшегося обогреть и накормить гостей, собравшихся в его доме: возле костра стояло большое бронзовое блюдо, полное зимних фруктов, а также хлебных лепешек³.

В этих эпизодах прослеживается уважительное отношение Мануила к своим собеседникам-мусульманам, поскольку он принял участие в трапезе, чтобы уважить хозяина, и затем поделился оставшейся едой со стоящими рядом⁴. Орехи и сладости традиционно являлись знаком гостеприимства в турецкой Анатолии⁵.

Однако не всякая совместная трапеза с турками приходилась тому же Мануилу II Палеологу по душе, о чем мы можем судить по материалам того же произведения. Так, повествуя о времяпрепровождении в лагере Баязида, Мануил отмечал «развлечения за едой и после, множество мимов, толпы флейтистов, ансамбли певцов и племена танцоров, и звон цимбал и безудержный смех после крепкого вина» 6. Автор сообщает об этом, задаваясь вопросом, возможно ли для тех, кто страдал от всего этого, сохранить их умы неослепленными 7.

Тем не менее, не все византийцы относились негативно к подобным развлечениям за трапезой. Так, Никифор Григора, повествуя о правлении Кантакузина, отмечал усвоение некоторых

² В данном произведении Мануил использовал антикизированный этноним «перс» для обозначения своего собеседника – мусульманского богослова – вероятно, намекая на его высокое происхождение. В тексте встречается и другой этноним «турки», когда речь заходит об этом народе.

³ Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser" / ed. E. Trapp. Wien, 1966. S. 190.

⁴ Ibid. S. 50.

⁵ *Çelik S.* The Emperor, the Sultan and the Scholar: the Portrayal of the Ottomans in the Dialogue with a Persian of Manuel II Paleologos // BMGS. 2007. Vol. 41, Iss. 2. P. 222.

⁶ Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser"... S. 121.

⁷ Ibid.

обычаев турок при дворе византийского василевса. Он писал, что то же самое они делают и за трапезой василевса (устраивают хороводы, состязаются в пении, танцуют) — зачастую с цимбалами, музыкальными инструментами, песнями, — как это было в обычае у нечестивых ^{8} .

Негативные описания Мануилом трапез и развлечений в шатре Баязида были обусловлены его очевидно предвзятым отношением к самому султану и переживаниями по поводу будущего Византийской империи. В письме, адресованном его другу Дмитрию Кидонису, он жаловался на вынужденное участие в трапезах и распитии вина в лагере Баязида. Он пишет: «Я предполагаю, что он (Баязид. - H. C.) желает выпить за здравие перед ужином и принудить нас наполнить себя вином из его разнообразной коллекции золотых кубков и чаш. Он полагает, что те помогут преодолеть упадок духа, вызванный событиями, о которых мы писали, тогда как, даже если я был бы в хорошем настроении, они могли наполнить только печалью» ^{9} .

Ответ Кидониса на письмо Мануила может пролить дополнительный свет на причины недовольства императора. Кидонис отмечает, что «наиболее горьким и сложным из всего» (µάλιστα δάκνοντος κὰι χαλεπωτρουτῶν ἄλλων) 10 является «жизнь вместе с варварами» (τὸ βαρβάροις συνδιαιτᾶσθαι) 11, поскольку «ты вынужден жить с этими людьми и разделять с ними компанию, ты с давних пор религиозный человек, неуклонно следующий по пути добродетели» 12. Отсылка к религии в данном контексте не случайна. Очевидно, что тяготы подобной компании в восприятии Кидониса связываются с тем, что турки являлись представителями мусульманского вероисповедания, которое традиционно рассматривалось византийцами как ложное. Настороженность по поводу совместного принятия пищи с иноверцами была

⁸ Nicephori Gregorae Byzantina historia / ed. I. Bekker. Bonn, 1855. Vol. 3. P. 202–203; русский перевод: *Никифор Григора*. История ромеев / пер. с греч. Р. В. Яшунского. СПб., 2016. Т. 3. С. 168.

⁹ The Letters of Manuel II Paleologos / ed. G. T. Dennis. Washington, 1977. P. 49.

¹⁰ Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1960. Vol. 2. Ep. 432. 49.

¹¹ Ibid. Ep. 432. 50.

¹² Ibid. Ep. 432.53–55.

характерна еще для раннехристианских постановлений, налагавших запрет на любое совместное употребление пищи с нехристианами, что истолковывалось как принятие их религии ¹³.

В сочинениях поздневизантийских авторов мы можем найти примеры восприятия еды как символа той или иной религии. В «Диалоге с неким персом» Мануил Палеолог приводит рассказ о хитрости византийского охотника, участвовавшего в охоте вместе с турками, который свидетельствует о восприятии автором особенностей турецкой пищи. Когда охотнику-ромею удалось убить на охоте большого и толстого кабана, он решил спрятать его тушу при перевозке, забросав ее травой, чтобы не подвергнуться многочисленным проклятиям, оскорблениям, а может, и побоям от тех, кто «не может даже выносить вид свиней» (τῶν μηδὲ βλέπειν χοίρους ἀνεχομένον) 14. Очевидно, что Мануил намекает на запрет на потребление свинины в исламе. Поскольку свинина была наиболее часто употребимым видом мяса в византийском обществе 15, такой запрет мог рассматриваться автором как своего рода символическая граница, отделяющая «своих» христиан от «чужих» иноверцев (мусульман и евреев).

Византийцы рассматривали употребление свинины как признак принадлежности к своей религии 16. Такой вывод можно сделать из истории, которую рассказывает византийский историк Георгий Пахимер об Изз ал-Дине Кайкавусе II (1245–1262). Патриарх Арсений, по сообщению историка, позволял ему вместе со свитой мыться в церковной бане, причащаться и участвовать с семьей в пасхальном богослужении, поскольку ранее митрополит Писидийский свидетельствовал о его христианской вере. После бегства султана из Византии Арсения низвергли, обвинив его в недопустимом поведении с неверными, коими посчитали Кайкавуса и его свиту. Когда же Изз ал-Дин узнал об этом, то отправил василевсу

¹³ Kolbaba M. The Byzantine Lists... P. 147.

¹⁴ Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser"... S. 190.

¹⁵ Bayri B. K. Warriors, Martyrs and Dervishes. Moving Frontiers, Shifting Identities in the Land of Rome (13th–15 th centuries). Leiden; Boston. 2020. P. 79.

¹⁶ С другой стороны, мусульманские авторы, сообщавшие о византийцах в своих произведениях, делали особый акцент на употреблении ими свинины, т. е. в мусульманском обществе использование свинины в пищу стало идентификатором христиан. См. об этом: Ibid.

послание, желая подтвердить, что он является христианином, ест свиное мясо и держится обычаев христианских, заявил о своей готовности с жадностью есть «соленый свиной окорок» (χοίρου ταριχευθέντα μηρόν) ^{17} , а также попросил прислать ему ладанки.

Повествование о реальных и вымышленных пищевых привычках «других» в сочинениях поздневизантийских авторов во многом следовало традициям этнографических описаний со времен Античности. Использование концепта варварства позволяло византийцам объяснять эти различия, поскольку собственные традиции питания и пития определялись как норма в византийском обществе в противовес обычно порицаемым и осуждаемым обычаям «других».

Одним из признаков варварства «чужих» и предметом неизменного осуждения в сочинениях поздневизантийских писателей было употребление вина в неразбавленном виде и пьянство. Такие примеры можно найти и в сочинениях поздневизантийских авторов. Так, историк Георгий Пахимер в своей «Истории» сообщал о сельджукском султане Изз ал-Дине, что он проводил время в разврате и пьянстве на перекрестках, бесстыдно садясь там с большой толпою приближенных, предавался дионисовым оргиям и пьянству 18. Византийский император Мануил II Палеолог в «Диалоге с неким Персом» сетовал на «безудержный смех после неразбавленного вина» (τὸν μετὰ τὸν ἄκρατον προπετῆ γέλωτα) на пирах Баязида во время похода ¹⁹. Таким образом, изображения туроксельджуков и турок-османов в сочинениях византийских авторов зачастую наделялись типичными чертами варваров, дикость которых проявлялась как в отсутствии умеренности при употреблении вина, так и в питье вина, не разбавленного водой. Поскольку еще со времен Античности среди греков обычной практикой было пить вино разбавленным более чем наполовину водой 20, употребле-

¹⁷ Georges Pachymérès. Relations historiques / éd. A. Faller. Paris, 1999. Vol. 2. P. 347. Русский перевод: *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах / ред. проф. Карпов. СПб., 1862. C. 243.

¹⁸ Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 1. P. 235. 5–10; Георгий Пахимер. История... С. 159–160.

¹⁹ Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser"... S. 121.

²⁰ Dalby A. Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire. London; New York, 2010. P. 89.

ние крепкого вина осуждалось и считалось варварским способом поведения. Ассоциирование иностранцев-чужаков с безмерным пьянством — хорошо известный феномен классической и поздней Античности. В XII в. к этому средству при описании «инаковости» представителей других народов стали активно прибегать византийские авторы²¹.

Трансформация пищи в процессе приготовления также рассматривалась византийскими авторами как своеобразная символическая линия, отделяющая носителей цивилизации, к которым себя относили ромеи, от диких и бескультурных варваров, а также оседлых земледельцев от нецивилизованных кочевников-пастухов. Так, византийский историк Георгий Пахимер сообщал о туземных тохарцах, которые назывались монголами, что те могли употреблять всякую пищу, никакую не считая плохой, если недоставало пищи, ходили на охоту или, проколов коня, пили его кровь ^{22} . Повествует он также и о традиции приготовления монголами кровяной колбасы, которую изготовляли, используя в качестве оболочки внутренности овцы, наполняя их кровью и запекая ее немного от лошадиной теплоты, поместив ее на некоторое время под седло лошади²³. Отсутствие пищевых табу, употребление крови отображали стереотипные представления византийских авторов о пищевых привычках варваров, проживающих за пределами византийской цивилизованной ойкумены, и свидетельствовали скорее о пищевых предпочтениях самих византийцев, чем о том, что использовалось в пищу номадами в реальности. О страхе перед неведомым варварским миром монголов свидетельствует и другой отрывок из «Истории» Георгия Пахимера, при этом к сообщаемым сведениям сам автор относился скептически. Повествуя о монголах-тохарцах, Пахимер отмечает, что эти люди до такой степени были тогда неизвестны, что многие представляли их с собачьими головами, рассказывали, что они питаются отвратительною пищей и даже

²¹ Shliakhtin R. From Huns into Persians. The Projected Identity of the Turks in the Byzantine Rhetoric of Eleventh and Twelfth Centuries: PhD Thesis / Central European University. Budapest, 2016. P. 168.

²² Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 2. Р. 447; Георгий Пахимер. История... С. 318.

²³ Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 2. P. 447; *Георгий Пахимер.* История... C. 318.

едят человеческую плоть ²⁴. Эти два эпизода демонстрируют пристальный интерес автора и византийцев в целом к описанию традиций питания кочевников-монголов. Византийский историк, описывая нравы монголов, придерживался традиции составления подобных этнографических описаний, истоки которой берут начало с древнейших времен, когда одним из критериев отнесения того или иного сообщества к человеческому племени были запреты и предписания, связанные с пищей (священной, обыденной, табуированной)²⁵. Негативные и подчас даже нетерпимые суждения о вымышленных пищевых пристрастиях, в том числе и о каннибализме монголов, были связаны с реакцией ромеев на представителей иной культуры, которая нередко сопровождалась подсознательным ее отрицанием, поскольку ромеи верили в безграничное превосходство своей культуры над всеми прочими.

Как кровожадные варвары в сочинениях некоторых поздневизантийских авторов представали не только кочевники, но и латиняне, которые осуждались и стигматизировались в том числе и за нарушение пищевых запретов. В поздневизантийский период ромеи, наблюдая возраставшее присутствие латинян на их

²⁴ Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 1. P. 187. 20–21; *Георгий Пахимер*. История... С. 123.

²⁵ Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / текст, ред. и пер. С. В. Аксенов, А. Г. Юрченко. СПб., 2002. С. 50.

²⁶ Georges Pachymérès. Relations historiques. Vol. 2. P. 597. 10–18; *Георгий Пахимер*. История... С. 436.

территории, а также в контексте трагических событий 1204 г.²⁷ и религиозных противоречий, стали критиковать пищевые практики латинян, чтобы усилить обвинения латинян в том, что они являются опасными врагами империи и плохими христианами.

В наиболее сконцентрированном виде эти обвинения против латинян в нарушении пищевых табу можно найти в сочинении Константина Стильба, митрополита Кизического, «Жалобы против латинян», написанном после известных событий 1204 г. Автор писал о том, что те «поедают мясо задушенных, павших и убитых дикими зверями животных, наряду с кровью и нечистыми животными: медведями, шакалами, черепахами, дикобразами, бобрами, воронами, чайками, дельфинами, крысами и более отвратительными животными» ²⁸. Иными словами, это описание вымышленных привычек латинян включает обвинения в употреблении крови в пищу, а также в поедании пищи, должным образом не обескровленной (задушенных, найденных мертвыми, убитых дикими животными), а также мяса «нечистых» животных. Оно свидетельствует в большей степени о самоидентификации самих византийцев, которые определяли себя в том числе и через следование определенным пищевым запретам в своих алиментарных привычках. Запрет на употребление кровавой пищи у иудеев был усвоен ромеями, поэтому они обескровливали мясо животных перед употреблением его в пищу²⁹. Объяснения византийских предубеждений касательно «нечистой» еды следует искать в фольклорной традиции, в системе дохристианских табу³⁰.

Хлеб и искусство его приготовления также были значимыми маркерами границ между «цивилизованными» людьми и «варварами», между оседлыми земледельцами и кочевникамипастухами. Ромеи очень трепетно относились к качеству приго-

²⁷ Одним из последствий Четвертого крестового похода стал резкий всплеск антилатинских настроений среди преимущественно греческого населения Византии. См.: *Necipoğlu N*. Byzantium between the Ottomans and the Latins. Cambridge; New York, 2009. P. 22.

²⁸ Darrouzès J. Le mémoire de Constantin Stilbès contre les Latins // REB. 1963. T. 21. P. 79.

²⁹ Caseau B. Dogs, Vultures, Horses and Black Pudding. Unclean Meats in the Eyes of the Byzantines // Multidisciplinary Approaches to Food and Foodways in the Medieval Eastern Mediterranean / ed. by S. Y. Waksman. Lyon, 2020. P. 229–238.

³⁰ Kolbaba M. The Byzantine Lists... P. 158.

товления хлеба, а также к тому, насколько хорошо он пропечен, поскольку плохо пропеченный хлеб быстрее портился. Так, историк VI в. Прокопий Кесарийский сообщал, что не менее 500 солдат погибло после употребления хлеба, который не был выдержан достаточное время в печи с целью экономии на дровах и в итоге рассыпался, испортился, загнил и приобрел тяжелый запах³¹.

Хлеб в Византии был продуктом массового потребления и воспринимался как синоним питания в целом («хлеб насущный» – αρτος ἐπιούσιος)³². Поэтому при описании алиментарных привычек «чужих» хлеб, используемый на трапезе, становится одним из важных маркеров инаковости. Так, при описании трапезы со своими османскими собеседниками Мануил II Палеолог в своем произведении «Диалог с неким персом» особо упомянул турецкие хлебные лепешки, предложенные в качестве угощения, которые были «похожи на бумагу» (τοὺς γαρτοειδεῖς) и «плохо пропечены» (κακῶς $\dot{\omega}$ лтημένους)³³. С одной стороны, это косвенно может свидетельствовать о том, что этот хлеб не пришелся Мануилу по вкусу. С другой стороны, упоминание о недостаточно пропеченном турецком хлебе могло использоваться автором как своеобразное свидетельство «варварства» турок. Со времен античности хлеб представлялся как показатель цивилизованности народа³⁴, поэтому названный недостаток турецкого хлеба служил значимым маркером границ между «цивилизованными», «культурными» византийцами, которые знали толк в выпечке хлеба, и нецивилизованными турками. Примечательно, что европейские путешественники XVI в. также сообщали о плохо пропеченном турецком хлебе³⁵.

³¹ *Procopius*. History of the Wars, in Six Volumes / ed. H. B. Dewing. New York, 1882. Vol. 2. P. 120, 122. 15–20. Русский перевод: *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с Вандалами. Тайная история / пер. А. А. Чекалова. М., 1993. C. 212.

³² Koder J. Stew and Salted Meat – Opulent Normality in the Diet of Every Day? // Eat, Drink and to be Marry (Luke 12: 19) – Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies. Bermingham, 29–31 March 2003 / ed. by L. Brubaker and K. Linardon. Oxford, 2007. P. 65–66.

³³ Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser"... S. 190.

³⁴ *Dursteler E. R.* Bad Bread and the "Outrageous Drunkenness of the Turks": Food and the Identity in the Accounts of Early European Travelers to the Ottoman Empire // Journal of World History. 2017. Vol. 25, No 2/3. P. 210.

³⁵ Ibid. P. 209.

Таким образом, анализ описаний пищевых и питьевых привычек турок, монголов и латинян по материалам сочинений поздневизантийских авторов показывает, что эти описания нередко воспроизводили стереотипы относительно особенностей питания «варваров», а также кочевых народов, бытовавшие в обществе и письменной традиции со времен Античности. В связи с непреложной уверенностью ромеев в превосходстве собственной культуры над всеми прочими, эти описания неизбежно искажали реальную картину, а иногда и вовсе были продуктами вымысла. Поскольку принятие пищи в византийском обществе регулировалось системой норм и табу, особенности приготовления и приема пищи и напитков становились важной демаркационной линией, отделяющей «своих» от «чужих», что несомненно влияло на восприятие византийцами чуждой им культуры. Такие этнографические зарисовки могли выполнять важную регулятивную функцию в византийском обществе, а также являлись одним из проявлений «иммунных» механизмов византийской цивилизации, защищающих ее от проникновения чужеродных элементов.

REFERENCES

Aksenov, S. V., & Yurchenko, A. G. (Eds.). (2002). Khristianskii mir i "Velikaia mongol'skaia imperiia". Materialy frantsiskanskoi missii 1245 goda [The Christian World and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St Petersburg: Evraziia.

Bayri, B. K. (2020). Warriors, Martyrs and Dervishes. Moving Frontiers, Shifting Identities in the Land of Rome (13th–15th Centuries). Leiden; Boston: Brill.

Bekker, I. (Ed.). (1855). *Nicephori Gregorae Byzantina historia* (Vol. 3). Bonn: E. Weber.

Caseau, B. (2020). Dogs, Vultures, Horses and Black Pudding. Unclean Meats in the Eyes of the Byzantines. In S. Y. Waksman (Ed.), *Multidisciplinary Approaches to Food and Foodways in the Medieval Eastern Mediterranean* (pp. 229–238). Lyon: MOM Éditions.

Çelik, S. (2007). The Emperor, the Sultan and the Scholar: the Portrayal of the Ottomans in the Dialogue with a Persian of Manuel II Paleologos. *Byzantine and Modern Greek Studies*, *41*(2), 208–288.

Chekalova, A. A. (Trans.). (1993). *Prokopii Kesariiskii. Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaia istoriia* [Procopius of Caesarea. The Persian War. The Vandal War. Secret History]. Moscow: Nauka.

Dalby, A. (2010). *Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire*. London: New York: I. B. Tauris &Co Ltd.

«Отвратительная еда, плохой хлеб и безмерное пьянство»

Darrouzès, J. (1963). Le mémoire de Constantin Stilbès contre les Latins. Revue des études byzantines, 21, 50–100.

Dennis, G. T. (Ed.). (1977). *The Letters o Manuel II Paleologos*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Dewing, H. B. (Ed.). (1882). *Procopius. History of the Wars, in Six Volumes* (Vol. 2). New York: G. P. Putnam's sons.

Dursteler, E. R. (2017). Bad Bread and the "Outrageous Drunkenness of the Turks": Food and the Identity in the Accounts of Early European Travelers to the Ottoman Empire. *Journal of World History*, 25(2/3), 143–160.

Faller, A. (Ed.). (1999). *Georges Pachymérès. Relations historiques* (Vol. 1: Livre I–III). Paris: Société d'édition: "Les Belles Lettres".

Faller, A. (Ed.). (1999). *Georges Pachymérès. Relations historiques* (Vol. 2: Livre IV–VI). Paris: Société d'édition: "Les Belles Lettres".

Karpov (Ed.). (1862). *Georgii Pakhimer. Istoriia o Mikhaile i Andronike Paleologakh* [George Pachymeres. The History about Michael and Andronikos Palaiologos]. St Petersburg: V tipografii departamenta udelov.

Koder, J. (2007). Stew and Salted Meat – Opulent Normality in the Diet of Every Day? In L. Brubaker, & K. Linardon (Eds.), Eat, Drink and to be Marry (Luke 12: 19) – Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies. Bermingham, 29–31 March 2003 (pp. 59–72). Oxford: Ashgate Publishing Ltd.

Kolbaba, M. (2000). The Byzantine Lists: Errors of the Latins. Chicago: University of Illinois.

Loenertz, R.-J. (Ed.). (1960). *Démétrius Cydonès. Correspondance* (Vol. 2.). Città del Vaticano: Biblioteca apostolica Vaticana.

Necipoğlu, N. (2009). Byzantium between the Ottomans and the Latins. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Shliakhtin, R. (2016). From Huns into Persians. The Projected Identity of the Turks in the Byzantine Rhetoric of Eleventh and Twelfth Centuries (PhD Thesis). Central European University, Budapest.

Shukurov, R. M. (2017). *Tiurki v vizantiiskom mire (1204–1461)* [The Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow: Moscow University Press.

Trapp, E. (Ed.). (1966). Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser". Wien: Böhlau.

Yashunskii, R. V. (Trans.). (2016). *Nikifor Grigora. Istoriia romeev* [Nikephoros Gregoras "Romaion History"] (Vol. 3). St Petersburg: Izdatel'skii proekt "Kvadrivium"

Охлупина Ирина Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральский федеральный университет 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51 E-mail: sleepingsun83@mail.ru

Okhlupina, Irina Sergeevna

PhD (History), Associate Professor Ancient and Medieval History Department Ural Federal University 51 Lenin Ave, Ekaterinburg, 620000, Russia Email: sleepingsun83@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-4091-6676